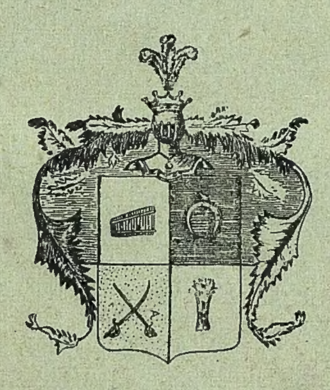
Е. Поселянинъ.

БРАТЬЯ ПАНАЕВЫ

КРАСА РУССКОЙ КОННИЦЫ

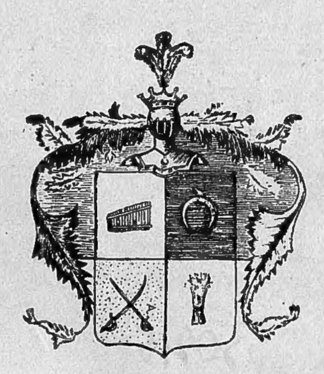
„Юные военослужащіе, надобно непремѣнно, чтобы вы упоены были восторгомъ; чтобы честь потрясала сердца ваши; чтобы огонь побѣды блисталъ въ глазахъ вашихъ; чтобы душа ваша при одномъ помышленіи о славныхъ подвигахъ возносилась выше самой себя".

(Изъ книги, изданной Львомъ Панаевымъ).

Е. Поселянинъ.

БРАТЬЯ ПАНАЕВЫ

КРАСА РУССКОЙ КОННИЦЫ

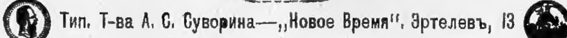

„Юные военослужащіе, надобно непремѣнно, чтобы вы упоены были восторгомъ; чтобы честь потрясала сердца ваши; чтобы огонь побѣды блисталъ въ глазахъ вашихъ; чтобы душа ваша при одномъ помышленіи о славныхъ подвигахъ возносилась выше самой себя“.

(Изъ книги, изданной Львомъ Панаевымъ).

Петроградъ, дозволено военной цензурой 24 марта 1916 года.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(Изъ чтенія въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

Человѣкъ, надъ которымъ прошлое имѣетъ таинственную власть, не безъ волненія входитъ въ эти стѣны.

Здѣсь встаютъ свѣтлыя видѣнія, бродятъ знакомыя, дорогія тѣни.

Вотъ то насмѣшничаетъ и язвитъ, то ходитъ грустный, задумчивый, выковывая въ себѣ тѣ слова, что потомъ будутъ жадно подхвачены—

Пылкой молодежью
И чуткой женскою душой,—

юнкеръ Лермонтовъ, тотъ Лермонтовъ, который, если и не сталъ, по спорному мнѣнію нѣкоторыхъ, Пушкину равнымъ, то получилъ такую неизъяснимо волшебную власть надъ душой человѣческой, предъ которою меркнетъ власть самого Пушкина.

Онъ вошелъ въ эти стѣны уже магомъ русской поэзіи, уже создателемъ тѣхъ единственныхъ въ мірѣ строкъ своего «Ангела», которыя не въ груди человѣческой рождены, а подслушаны въ небѣ и снесены на бѣдную, тоскующую землю, чтобъ звучать въ ней небесной мелодіей.

Тутъ, послѣ усерднаго ученія, легкаго повѣсничества и стараній превзойти товарищей силою и лихостью, онъ по

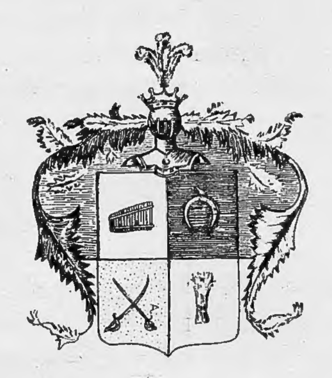
вечерамъ, крадучись, пробирается въ отдаленныя классныя комнаты, и тамъ текутъ, текутъ стихи—«Хаджи-Абрекъ», четвертый очеркъ «Демона».

Смотрите: какъ къ этому неуклюжему медвѣженку подходитъ сухой, стройный юнкеръ, съ ярко южнымъ лицомъ, правдивый, прямой, огненный, съ властнымъ голосомъ, Слѣпцовъ, герой Чечни и Сунжи, легендарный Слѣпцовъ, кавказскій орелъ...

Все это вѣдь здѣсь, въ этихъ стѣнахъ...

И сколько мелькнуло тутъ другихъ, менѣе яркихъ душъ, полныхъ поэзіи нерастраченной юности, ея удали, рѣшимости и свѣтлыхъ намѣреній. Явились, мелькнули, улетѣли. Но отъ каждаго изъ нихъ, отпраздновавшаго тутъ начальный праздникъ своей жизни, оставались въ воздухѣ какіе-то невидимые лепестки, какой-то ароматъ первой, счастливой, беззаботной молодости, благословенныхъ, единственныхъ, неповторяющихся дней...

Господа юнкера, вы, вступая подъ сѣнь вашей славной школы, входите въ старый, завѣтный домъ. Васъ сочувственно обступаютъ дружескія, свѣтлыя тѣни. И надо къ нимъ приглядываться.

Имя братьевъ Панаевыхъ—неотдѣлимо отнынѣ отъ исторіи русской конницы.

Какъ Суворовъ, Кутузовъ, Скобелевъ—всякій для своего времени—являются идеаломъ русскаго полководца, какъ Слѣпцовъ сталъ нарицательнымъ именемъ побѣдоносной горной войны, такъ Панаевы станутъ теперь синонимомъ идеальнаго кавалерійскаго офицера.

Что же сдѣлали они за свой вѣкъ? Что было въ нихъ особаго? И въ чемъ ихъ значеніе?

Жизнь, вся сосредоточенная въ одной цѣли, вся проведенная «на высотѣ», ежедневный, ежечасный служебный подвигъ, буйный, несокрушимый кавалерійскій ударъ, почва, дрожащая подъ топотомъ копытъ атакующей конницы, сабля, занесенная въ могучемъ размахѣ руки, и въ этомъ опьянѣніи боя мечтанная смерть, красивая, яркая, послѣдняя ослѣпительная вспышка всю жизнь ровно и жарко прогорѣвшаго костра: вотъ что рисуется при словахъ «братья Панаевы».

Ихъ имена принадлежатъ къ числу тѣхъ, произносить которыя не умѣешь безъ сильнѣйшаго душевнаго волненія.

Всматриваешься въ ихъ нравственный обликъ, и они увлекаютъ тебя въ тѣ высокія области духа, въ которыхъ сами прожили свою недолгую и свѣтлую жизнь.

Тихій, увѣренный, зовущій къ подвигу и къ обновленію благовѣстъ несется отъ этихъ именъ...

I.

Братья Панаевы были всѣ трое офицерами гусарскаго Ахтырскаго полка, и всѣ трое, по очереди,—старшій, второй и третій,—были убиты на австрійскомъ фронтѣ.

Ихъ удаль и смѣлость (первые два передъ смертью награждены Георгіями, а третій былъ тоже представленъ къ завѣтному бѣлому крестику) заставила о нихъ много говорить въ первое же время войны, но въ кавалерійскихъ кружкахъ они уже давно имѣли чрезвычайно серьезную репутацію.

Во главѣ братьевъ былъ старшій братъ, Борисъ Аркадьевичъ. Обстоятельства его жизни сдѣлали изъ ребенка прямо взрослаго... Послѣ смерти отца, оставшись десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ превратился сразу въ серьезнаго человѣка. Онъ заботился всячески о братьяхъ, помогалъ матери, вдовѣ съ малыми средствами, въ ея дѣлахъ. Первые два года своего ученія въ корпусѣ онъ много хворалъ. Когда онъ лежалъ въ лазаретѣ, всѣ удивлялись вопросамъ, которые онъ задавалъ матери на счетъ своихъ братьевъ. Казалось, что говоритъ не кадетъ-малышъ, а отецъ семьи...

Уже тогда мальчикъ заставлялъ себя отказываться отъ удовольствій въ пользу товарищей. Какъ-то въ награду за успѣхи и поведеніе его хотѣли отъ корпуса повести въ театръ, а онъ уступилъ свое мѣсто товарищу. Когда мать спросила у него, отчего онъ не пошелъ, тогда какъ ему этого очень хотѣлось:

— Тому еще больше хотѣлось,—отвѣтилъ онъ.

Какая глубокая драма совершилась въ душѣ мальчика со смертью отца, видно изъ того, что съ десяти лѣтъ онъ перестлалъ уже смѣяться и только изрѣдка улыбался. Онъ пользовался съ тѣхъ же поръ значительнымъ авторитетомъ между товарищами. Случалось, что его переводили изъ одного отдѣленія въ другое, когда надо было навести порядокъ въ шаловливомъ классѣ.

Борисъ кадетомъ.

Своей матери, женщинѣ изумительно мужественнаго духа, дѣти обязаны своимъ религіознымъ настроеніемъ. Религія для нихъ не была наборомъ обрядовъ, а свѣтлою силою, руководившею всякимъ шагомъ ихъ жизни.

Вообще нельзя не остановиться съ чувствомъ отрады на отношеніяхъ всѣхъ братьевъ къ матери. Отъ нея получили они свое крѣпкое, народное и религіозное міросозерцаніе, и отдали ей всю свою привязанность. Мать была для нихъ до смерти лучшимъ другомъ, повѣреннымъ и совѣтчикомъ... Безгранично высока жертва потерять такихъ трехъ сыновей, проститься съ ними покорно, склонясь безъ ропота предъ Божьей волей. Но великъ и радостенъ будетъ тотъ часъ, когда эта мать, соединившись съ сіяющими въ вѣнцахъ сыновьями, съ дерзновеніемъ скажетъ Богу: «Вотъ я и дѣти мои».

. . . .

Борисъ подросталъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранниковъ-учениковъ, которыхъ уважаютъ и любятъ товарищи, на которыхъ радуются и которыми гордятся старшіе... О томъ, какое положеніе онъ занималъ между то-

варищами и начальствомъ, видно изъ того совѣта, который онъ давалъ младшему брату при назначеніи его въ гардемаринской ротѣ фельфебелемъ:

«Предъ товарищами быть за начальство, а предъ начальствомъ за товарищей...»

Тутъ къ мѣсту коснуться вообще вопроса о товариществѣ.

Истинная военная дружба, боевое товарищество—это совмѣстное стремленіе къ военной доблести, это поддержка другъ друга на поприщѣ военнаго долга.

Боже, какъ часто извращаются эти святыя рыцарскія отношенія, и какъ высокое имя товарищества дается простому и пошлому собутыльничеству.

Поддержка вездѣ и во всемъ.

Дѣло той же чести—увезти на конѣ или унести на плечахъ раненаго соратника, заслонить его грудью или ограждать отъ соблазновъ слабовольнаго товарища.

Такъ смотрѣли и такъ поступали Панаевы... Сколько бы бѣдъ было предотвращено въ средѣ молодого офицерства, если бъ, не щадя себя, болѣе умѣющіе владѣть собою вышибали изъ рукъ слабовольнаго товарища лишній бокалъ вина, вырывали искушающую колоду картъ.

Вотъ что сдѣлалъ въ Елисаветградскомъ училищѣ Гурій Панаевъ. Будучи самъ на младшемъ курсѣ, онъ, считая карточную игру язвою, разорвалъ колоду картъ во время игры юнкеровъ старшаго курса. Знакомые съ бытомъ кавалерійскихъ училищъ и съ зависимостью младшаго курса отъ старшаго оцѣнятъ силу этого дерзновенія.

Борисъ изъ молодцоватаго кадета съ умными внимательными глазами превратился въ стройнаго, очень красива- и одновременно скромнаго и наряднаго юнкера. Надо удивляться тому, какъ эти братья умѣли соединять изящество со спартанскою простотою. Человѣкъ сложной напряженной духовной жизни, Борисъ поверхъ кипучей внѣшней дѣятельности былъ всегда занятъ своими большими мыслями, высокими переживаніями и замкнутъ въ себѣ.

Онъ какъ-то осторожно, стыдливо подходилъ къ людямъ, словно боясь, чтобъ они не задѣли того, что скрывалось у него въ завѣтныхъ тайникахъ. Онъ словно боялся привязываться тутъ несовершенною временною любовью, и могъ бы, кажется, уже тогда повторить о себѣ слова:

Есть лучшій міръ, гдѣ мы любить свободны...
Туда моя душа ужъ все перенесла.

Его настойчивость и исполнительность въ связи со способностями и быстрымъ схватываніемъ сути вещей способствовали его блестящимъ успѣхамъ въ ученіи. Николаевское кавалерійское училище онъ кончилъ вторымъ. Забѣгая впередъ, можно разсказать, какъ кончалъ онъ кавалерійскую школу.

Его родственникъ въ ту пору, встрѣтясь съ хорошо знакомымъ ему однимъ изъ начальственныхъ лицъ школы, спросилъ:

— Ну, каково кончаетъ школу Борисъ Панаевъ?

— Зачѣмъ ты это у меня спрашиваешь?—отвѣчалъ генералъ. Ты безъ меня знаешь, какъ онъ кончаетъ: какъ никто не кончалъ до него, и едва ли кончитъ когда-нибудь послѣ него... Это круглое двѣнадцать, и какія знанія! Недавно я вошелъ на экзаменъ. Панаевъ въ это время, уже вынувшій билетъ, готовился къ отвѣту. Подполковникъ, читавшій этотъ предметъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ:

— Признаюсь, мнѣ какъ-то неловко спрашивать поручика Панаева, потому что, какъ я, такъ весь курсъ (и, вѣроятно, самъ Панаевъ) увѣрены, что онъ этотъ предметъ знаетъ лучше меня. Я, напримѣръ, знаю исторію этого дѣла въ Россіи и источники къ ней, а онъ знаетъ и исторію этого дѣла въ чужихъ краяхъ со всѣми существующими источниками.

— Въ другой разъ,—продолжалъ тотъ же генералъ,— я пришелъ на экзаменъ ковки. Пока другіе офицеры возились съ одной ногой, Панаевъ подковалъ всѣ четыре, да подковалъ такъ, какъ не подкуетъ самъ Моссъ (англій-

скій кузнецъ, у котораго куютъ богатые офицеры гвардейской кавалеріи). И такъ вотъ на всѣхъ предметахъ.

— Какъ же,—спросилъ собесѣдникъ:—ты выпускаешь такое сокровище изъ школы?

— А ты думаешь, я не старался? Къ нему никакъ не подъѣдешь! Одинъ отвѣтъ: «я нуженъ родному полку».

И Панаевъ, которому оставленіе при офицерской школѣ обезпечивало большія выгоды, вернулся въ полкъ.

При такихъ взглядахъ, такихъ способностяхъ, чѣмъ онъ могъ быть инымъ, какъ идеаломъ офицера—недостижимымъ, и, можетъ быть, неповторяемымъ.

И вотъ вамъ примѣръ для службы.

На службѣ нѣтъ мелочей. Все важно, отъ правильно застегнутой пуговицы до удачнаго плана боя. Все должно быть выполнено точно, честно, отъ всего старанія и разумѣнія.

Понятно, что съ первыхъ офицерскихъ шаговъ Панаева приказы по полку и дивизіи пестрятъ лестными отзывами объ его дѣятельности.

Что такое была для него лошадь и до какой степени дрессировки онъ умѣлъ ее довести, видно изъ слѣдующаго воспоминанія его товарища по офицерской школѣ.

«Панаевъ ѣздилъ шагомъ по манежу. Вдругъ съ его головы какъ бы нечаянно падаетъ фуражка. Онъ отдалъ лошади поводья. Подъѣхалъ на ней къ фуражкѣ, лошадь зубами схватила фуражку и подала ее всаднику.

— Ого, да она у васъ ученая,—сказалъ я, подъѣзжая къ Панаеву.

Онъ сконфузился за свою любимицу.

— Это очень полезно,—сказалъ онъ мнѣ:—въ полѣ иногда вѣтромъ сдунетъ или за вѣтку зацѣпишься и уронишь фуражку. Не нужно слѣзать. Но она и больше умѣетъ.

И, ѣздя шагомъ, онъ ронялъ, какъ бы терялъ, то платокъ, то портсигаръ, и лошадь сейчасъ же замѣчала потерю, останавливалась, находила и подавала всаднику.

Борисъ Панаевъ корнетомъ.

Потомъ онъ прыгалъ на ней черезъ одинъ поставленный стулъ, заставлялъ ее ложиться.

— Моя любимица,—сказалъ онъ, слѣзая и нѣжно лаская лошадь:—мы съ ней сюда вмѣстѣ въ вагонѣ ѣхали.

Чѣмъ же былъ Борисъ Панаевъ для своихъ солдатъ, видно изъ ихъ отзывовъ.

Въ началѣ японской войны къ Ахтырскому полку было прикомандировано 28 солдатъ Заамурскаго округа пограничной стражи, которыхъ Панаевъ обучилъ въ срокъ менѣе мѣсяца. Уже будучи на войнѣ, они узнали, что и Панаевъ неподалеку отъ нихъ. Они пишутъ:

Борисъ юнкеромъ.

«Увѣдомьте насъ, гдѣ нашъ батинька находятся, въ какой они сотнѣ, ихъ благородіе поручикъ. Мы очень объ нихъ тужимъ и спрашиваемъ другъ друга, гдѣ нашъ учитель. Мы очень желаемъ къ нимъ попасть служить. Когда мы ево повидимъ, обцѣловали бы имъ ноги и руки, но вѣрно мы ихъ недостойны видѣть».

Другой пишетъ еще картиннѣе:

«Если кто съ ними хотя мало служилъ, то, если куда отправляютъ его, то онъ цѣльный день плачетъ и говоритъ: «куда я пойду отъ отца своего?» и не идетъ. Я жизнь положу за такого командира. У меня отца такого не было».

Невольно при этихъ безхитростныхъ словахъ, въ которыхъ отражено умѣніе этого офицера овладѣвать душами своихъ подчиненныхъ, вспоминается отзывъ лѣтописца о рано умершемъ святомъ князѣ Василькѣ Константиновичѣ

Ростовскомъ: «Кто изъ бояръ служилъ ему, кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ изъ его чаши, тотъ не могъ забыть его и быть слугою другого князя».

Какая пропасть отдѣляетъ это отношеніе русскаго офицера, который становится старшимъ братомъ подчиненнаго ему солдата, отъ той звѣрской муштры, которая знаменуетъ собою проклинаемое ими звено между нѣмецкимъ офицеромъ и солдатомъ.

II.

Во время японской войны, переведясь на Востокъ, Панаевъ выказалъ нѣсколько блестящихъ подвиговъ.

Но, въ чемъ онъ полагалъ наивысшій подвигъ, видно изъ слѣдующихъ строкъ его къ роднымъ, поразительныхъ по высотѣ міросозерцанія въ 25-лѣтнемъ тогда офицерѣ:

«Убитымъ на войнѣ быть—что выше, почетнѣе для военнаго!.. Какъ привлекательна смерть впереди и на глазахъ своей строевой семьи! Но это смерть легкая. Есть смерть почетнѣе, зато и во много тяжелѣе. Это смерть кавалериста-развѣдчика, въ одиночку и ночью и въ бурю пробирающагося оврагами и лѣсами, вдали отъ своихъ, слѣдить за противникомъ.

Соблазнъ поберечь свою шкуру силенъ. Повѣрить, узнать, какъ несъ онъ свою высокую службу, нельзя: все равно никто не увидитъ. Его движетъ впередъ только долгъ. А тамъ изъ-за куста, изъ-за засады уже ждетъ его роковая пуля.

Его смерти никто не увидитъ. Какъ исполнилъ свой долгъ, никто не узнаетъ. Если тѣло случайно найдутъ, запишутъ «убитымъ». А если и тѣла свои не увидятъ, зачислятъ «безъ вѣсти пропавшимъ». Такъ умереть я бы желалъ...»

Вдумайтесь въ эту жажду подвига, наиболѣе тяжкаго— и безвѣстнаго, глухого. Сравните эти мечты съ настроеніемъ

хотя бы Дорохова изъ «Войны и Мира», тоже вѣдь «заправскаго» героя: и вамъ пріоткроется эта изумительная душа, въ которой такъ сильны элементы святости.

Вѣдь тутъ слышится распаленіе любви, дошедшей до той высочайшей ступени, гдѣ душа жаждетъ крайней послѣдней жертвы, какую принесъ за возлюбленное имъ человѣчество на Голгоѳѣ Христосъ.

Тутъ слышится тайный шопотъ души:

«Если тебѣ нужна моя жизнь, возьми ее. Не прошу взамѣнъ ни славы, ни этого отблеска послѣдняго яркаго подвига. Пусть умру, невѣдомый. Пусть никто не узнаетъ, какъ я любилъ тебя, Россія, какъ я нѣжно и заботливо о тбѣ думалъ, какъ я тебѣ честно служилъ, какъ я за тебя безвѣстно и невидимо умиралъ... И пусть моя къ тебѣ любовь останется ненарушенной тайной моего сердца, покорно и съ радостью исшедшаго за тебя кровью».

Какимъ представляется со стороны Борисъ Панаевъ, это описываетъ очевидецъ, видѣвшій его въ Манчжуріи г. Гр. А. Д., въ посвященной его ему статьѣ «Русскаго Инвалида»—«Памяти идеальнаго кавалериста».

«На маленькомъ заброшенномъ посту, человѣкъ въ 20 солдатъ и лошадей, у Панаева, по его словамъ, было «много дѣла». Но это «много дѣла» сквозило въ каждомъ движеніи его солдатъ, начиная съ его денщика.

Денщикъ, чисто *изящно* одѣтый, строго по формѣ, моментально изготовилъ намъ блины и чай, причемъ вся сервировка стола была одновременно и простая, и чистая. Выучка, и выучка педантичная, всякаго человѣка была видна повсюду. Люди глухого поста не имѣли ни обрюзглаго, ни распущеннаго вида, но были стройны, худощавы, подтянуты, отвѣчали весело, разумно. «Немогузнаекъ» не было. Сѣдельные уборы, стремена, оружіе—все было въ порядкѣ. Все говорило, что начальникъ поста не живетъ на посту, а занимается на посту съ каждымъ человѣкомъ и каждаго терпѣливо, умѣючи, учитъ.

И у самого начальника поста внѣшность была такова, что его скоро не позабудешь. Нѣсколько выше средняго роста, сухощавый, изящно сложенный, стройный, какъ горецъ, съ красивымъ одухотвореннымъ лрцомъ, умными сѣрыми глазами, съ маленькими руками и ногами,—онъ во всей внѣшности своей являлъ породу,—ту стародворян-

Прыжокъ Бориса Панаева чрезъ банкетъ въ 3 аршина на его любимой кобылѣ «Дрофѣ» (на ней онъ и былъ убитъ).

скую породу военныхъ русскихъ людей, которая, увы, умираетъ...»

Глубоко пораженный неудачами Россіи въ японскую кампанію, Борисъ Панаевъ всѣ эти десять лѣтъ только о томъ и думалъ, чтобы готовиться къ войнѣ.

Въ своемъ полку онъ учредилъ общество «тревожниковъ». Его члены должны были быть готовы по первому звуку

боевой тревоги къ выступленію въ походъ. Время для тревоги выбиралось самое неудобное: зимой—снѣжный буранъ, лѣтомъ—дождь или та пора, когда послѣ хорошаго обѣда начнется уютная бесѣда. Тревогой отмѣчались такіе дни, какъ ночь съ 26 на 27 января, когда мы по халатности попали въ бѣду.

Панаевъ былъ искреннимъ писателемъ, такимъ, который исключительно «пилъ изъ своего стакана». Всякая написанная имъ строчка была выбита изъ него жизнью, была имъ выстрадана, представляла собою долго выношенное имъ и страстное убѣжденіе. П потому все немногое, написанное имъ, обращало на себя вниманіе, было значительно и сильно. И стиль у *него* былъ *свой*,—мужественный, сжатый, настойчивый.

Громкій шумъ въ военной печати возбудила небольшая его брошюра «Офицерскія атестаціи», гдѣ проводится мысль о томъ, чтобы офицеры ежегодно атестовались комиссіей, избранной изъ ихъ же среды, причемъ выработанные Панаевымъ атестаціонные бланки охватываютъ весь рѣшительно служебно-моральный обликъ офицера. Въ этой мечтѣ была слышна юношески-чистая душа автора.

Еще большій обмѣнъ мнѣній въ военной печати вызвала статья Бориса Панаева «Пика» (№ 10, 1909 года «Вѣстникъ Русской Конницы»). Онъ настаивалъ въ ней на невозможности существованія конницы безъ пики, являющейся символомъ кавалерійскаго ураганнаго удара. Мнѣніе Панаева привилось: конницѣ дали пики.

Тогда Панаевъ, въ радостяхъ, совершилъ изъ Межибужья (Волынской губерніи, стоянка его полка) въ Ахтырку, къ чудотворной иконѣ Богоматери Ахтырской, именемъ которой названъ полкъ, конное богомолье (въ оба конца 1.200 верстъ), все время имѣя пику въ рукѣ, чтобы показать ея необременительность.

Послѣднимъ его трудомъ была книжечка «Командиру эскадрона къ бою»: въ ней слышенъ топъ безпощадной атаки, свистятъ пули, сверкаютъ обнаженныя шашки.

Вотъ вамъ опредѣленіе атаки: «Разъ рѣшена атака, она должна быть доведена до конца, т.-е. послѣдняго солдата. Поворотъ назадъ во время атаки недопустимъ ни въ какомъ случаѣ,—ни проволоки, ни волчьи ямы,—ничто не служитъ оправданіемъ «ретирады». Жалокъ начальникъ, атака части коего не удалась, отбита, а онъ цѣлъ и невредимъ.

«Пагубно злоупотреблять атаками: отбитыя и безполезныя—развращаютъ войска. Но, когда часть уже пущена въ атаку, она должна твердо помнить: «либо побѣда, либо смерть»,—другой исходъ атаки преступенъ и долженъ караться по всей силѣ военнаго закона».

Какъ мы увидимъ, Панаевъ своею смертью поддержалъ свое ученіе объ атакѣ.

Борисъ Панаевъ былъ исповѣдникомъ и подвижникомъ военнаго аскетизма. Онъ считалъ даже, что женитьба ограничиваетъ человѣка, и умеръ холостымъ, проживъ при своей внѣшности и своей силѣ свою жизнь въ дѣтской чистотѣ. Конечно, это далось ему путемъ тяжкой борьбы, и здѣсь разгадка его суровости къ себѣ.

Поразителенъ аскетическій бытъ этого гусара. Вспоминались тѣ первыя послѣ Христа времена, когда огонь христіанства зажигалъ души римскихъ молодыхъ патриціевъ и, не покидая строя, не снимая своихъ блестящихъ доспѣховъ, они жили подвижниками, лелѣя мечту умереть въ мукахъ за Христа. Они зовутся большею частью «стратилатами»—Андрей Стратилатъ, Θедоръ Стратилатъ, Іоаннъ Воинъ, Дмитрій Солунскій, Севастіанъ, столько разъ вдохновившій своимъ молодымъ и жаркимъ кровавымъ подвигомъ лучшихъ міровыхъ художниковъ. Имъ поревновалъ Борисъ Панаевъ.

Онъ спалъ на доскахъ, съ сѣдломъ вмѣсто изголовья, десять послѣднихъ лѣтъ жизни не ѣлъ мяса, предпочитая голодать въ гостяхъ, чѣмъ угощаться. Часто промаливался напролетъ цѣлыя ночи.

Вотъ интересный краткій разговоръ, вскрывающій уголокъ міросозерцанія Панаева.

У его родственниковъ праздновалась серебряная свадьба. Борисъ подошелъ чокнуться къ одному своему дядѣ, счастливому отцу семейства. Когда дядя увидалъ этого красиваго породистаго человѣка, дышащаго спокойною силою, посмотрѣлъ на это прекрасное одухотворенное лицо, горѣвшее, несмотря на аскетическую жизнь, здоровымъ румянцемъ и освѣщенное живыми глазами съ прямымъ взглядомъ, ему стало жалко, что такой человѣкъ не женатъ. Ему такъ захотѣлось поняньчить его дѣтей, что онъ невольно сказалъ Борису:

— Борисъ! Что жъ это такая красота задаромъ пропадаетъ! Когда ты женишься?

Панаевъ склонился къ уху дяди и рѣшительно и твердо сказалъ ему съ большою серьезностью:

— Я, дядя, никогда не женюсь!

— Отчего, Борисъ?—такъ же серьезно и съ тревогой спросилъ дядя.

— Видишь, дядя, я принципіально не могу жениться. Я считаю, что русскій офицеръ, особенно кавалеристъ, и въ мирное время не можетъ соединять свою судьбу съ такими близкими людьми, какъ жена и дѣти. Я принадлежу Государю, Россіи и полку. И больше никому въ жизни принадлежать не буду.

Съ изумленіемъ и волненіемъ слушалъ дядя это исповѣданіе цѣльной военной души. Борисъ вставалъ предъ нимъ во весь ростъ принципіальнаго человѣка.

Въ сущности, въ идеалѣ это такъ: солдатъ что монахъ. Ничто не должно приковывать его къ землѣ. Вся личная жизнь—въ жертву воинскому долгу.

Даже въ мимолетныхъ встрѣчахъ Борисъ проявлялъ свое христіанское настроеніе. Онъ всячески избѣгалъ свѣтскихъ сборищъ. Когда же ему по необходимости приходилось бывать на вечерѣ гдѣ-нибудь у родныхъ, онъ выбиралъ самую некрасивую барышню, на которую никто не обращалъ вниманія, и посвящалъ себя ей... Люди легкомысленные найдутъ такіе поступки только смѣшными

Корнетъ Павелъ Карцовъ.

А на самомъ дѣлѣ, сколько тутъ высокаго христіанскаго рыцарства.

Исключительнымъ уваженіемъ Борисъ Панаевъ пользовался въ полку. Если на полковой вечеринкѣ безъ по-

сторонних молодежь отдавались тѣмъ не очень постнымъ рѣчамъ, какихъ можно ждать отъ подвеселившихся юныхъ гусаръ, и внезапно входилъ Борисъ Панаевъ—эти рѣчи разомъ смолкали: такъ сильно и въ этомъ состоянiи чувствовалось всѣми, что этого при немъ *нельзя*.

И такъ онъ жилъ и служилъ въ своемъ захолустномъ Межибужьи, готовясь къ бою.

Суждены намъ благiе порывы,
Но свершить ничего не дано.

Никакого раздвоенiя не зналъ въ своей жизни Панаевъ. Хотѣть правды и достигать ее, сложить въ себѣ идеалъ, служить ему, найти себѣ живого Бога и поклоняться Ему въ неугасающемъ восторгѣ, любить свою родину, и работать на нее, не покладая рукъ, и во всякiй часъ своего свѣтлаго пути имѣть въ сердцѣ своемъ крестъ Христовъ: какая жизнь, какая высота!

Земля есть и будетъ землей. Люди со столь ясно выраженною печатью небесности всегда будутъ приняты въ жизни не одинаково. Ихъ же требованiя отъ жизни слишкомъ повышенны, чтобъ они не чувствовали страданiя.

На открытомъ и ясномъ лицѣ Панаева можно замѣтить выраженiе тихой грусти. Онъ слишкомъ глубоко вдумался въ жизнь, чтобъ отдаваться безотчетно радости бытiя.—Ему хотѣлось, чтобъ жизнь была иною, и, что отъ него зависѣло, онъ для этого дѣлалъ... Но... и онъ грустилъ.

Обычная трагедiя одинокаго прекраснаго человѣка переросшаго окружающихъ.

Потому что—боготворимый, быть можетъ,—втайнѣ одними, осуждаемый другими, въ нравственной лѣни своей смущавшимися этимъ неусыпающимъ «тревожникомъ», непонимаемый большинствомъ, онъ былъ одинокъ.

Вотъ теперь стоитъ онъ предъ нами въ своей хрустальной чистотѣ и правдѣ. Всѣ подробности его жизни сливаются

въ блескѣ одной согласной красоты... И пусть онъ свѣтитъ военной молодежи, ея товарищъ, ограждая ее отъ соблазновъ, которые самъ зналъ и побѣдилъ.

Соблазны нашептываютъ и кричатъ ей въ уши: «Молодечество и удаль,—это разгулъ безъ удержа, это разливанное море вина, это карты съ ихъ поджигающимъ азартомъ, это доступныя женщины».

И пусть при такихъ словахъ встаетъ тогда предъ нею его непорочный образъ и задушевно отвѣтитъ: Не такъ, не такъ! Это все—безумная растрата силъ, нужныхъ солдату всякую минуту; это ослабленіе въ будущемъ бою рѣшительнаго удара; это преступленіе въ ремеслѣ воина... Трезвенная, упорная работа, всегдашняя подготовка боя,—вотъ жизнь офицера.

III.

Было 27 іюня 1914 года.

Ахтырскій полкъ стоялъ въ лагерѣ подъ Краснымъ. Въ этотъ день родственникъ Панаевыхъ, г. Карцовъ, собрался посѣтить своего сына, служившаго въ кавалергардахъ. Вмѣстѣ они проѣхали къ ахтырцамъ и застали Бориса и Гурія въ ихъ спартанской обстановкѣ.

Поздоровавшись, расцѣловались, разговорились.

Дядя, зная ту «нетерпѣливость братьевъ быть въ сраженіяхъ», о которой такъ краснорѣчиво писалъ Левъ Панаевъ, сталъ надъ ними подтрунивать. Это были какъ разъ тѣ дни, когда можно было ожидать, что разойдутся тучи, скопившіяся на политическомъ горизонтѣ.

— Что же, ребята, ваше дѣло не выгораетъ? Сорвалось? Запахло было войной, да отошло.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ убѣжденно Борисъ,—этого не можетъ быть. Безусловно война вспыхнетъ. Непремѣнно. И очень скоро.

— Изъ чего ты это заключаешь?

— Предчувствіе такое.

Помолчали.

— Каждому свое,—сказалъ задумчиво дядя.—Для военнаго человѣка смерть на войнѣ самое лучшее.

— Конечно!—воскликнулъ Борисъ.

— А какъ, Борисъ? Какая смерть по твоему самая лучшая? При какихъ обстоятельствахъ?

— Конечно, отвѣчалъ Борисъ, самая красивая смерть—предъ своимъ эскадрономъ.

— Конечно, предъ своимъ эскадрономъ, — согласился дядя.

Борисъ помолчалъ, потомъ наклонился къ дядѣ, какъ бы съ очень дорогимъ для него признаніемъ, и тихо сказалъ:

— Нѣтъ, есть смерть еще лучше.

— Какая?

— А вотъ въ дальней глухой развѣдкѣ... Такъ, чтобъ сдѣлать свое дѣло, послать полезное донесеніе, и не вернуться...

— Чѣмъ же это лучше?

— А потому что—то, смерть предъ эскадрономъ, немножко театрально.

Странные, необыкновенные, святые люди!.. Только трудъ, только долгъ, только самоотверженіе,—и никакихъ себѣ наградъ. Даже завѣтный Георгіевскій крестъ не манилъ ихъ. Одного хотѣлось—сдѣлать дѣло,—и крышка.

Ихъ было тогда четверо: два Карцовыхъ, два Панаева. Прошло два мѣсяца, и въ живыхъ остался только одинъ: трое «кровью и честью вѣнчались».

Первымъ, ровно за недѣлю до своего родственника и духовнаго руководителя Бориса, былъ убитъ 6-го августа молодой Карцовъ, рѣдкій служака, только что блестяще сдавшій учебную команду.

На этой еле расцвѣтшей и подкошенной жизни можно прослѣдить, какъ на глубокія натуры могло быть сильно вліяніе Бориса.

Гурій Панаевъ.

Они видались очень рѣдко. Но дрожавшія въ душѣ ихъ сильныя чувства рыцарства, жажды идеала тянули ихъ другъ къ другу.

Павликъ, какъ его звали дома, Карцовъ съ сознательныхъ лѣтъ своихъ прислушивался внимательно ко всему, что разсказывали о Борисѣ, и въ немъ складывалось восхищеніе предъ этимъ идеальнымъ офицеромъ. Борисъ со своей стороны былъ высокаго мнѣнія о мальчикѣ. Въ ихъ рѣдкія встрѣчи они говорили запоемъ, и слова Бориса, слова военнаго идеализма, падали на счастливую почву. Какъ Борисъ со своей цвѣтущей внѣшностью, такъ и Павликъ, человѣкъ громаднаго роста, съ сильнымъ и умнымъ лицомъ, съ чертами, просившимися въ вѣчный мраморъ, былъ такой же до смерти непорочный голубь.

И вотъ эти два офицера: одинъ изъ захолустнаго Межибужья, другой въ вихрѣ большого свѣта, и оба со своей высокой духовностью: какой это отвѣтъ на всю пошлость, вылитую до войны «литературою» на русскую военную молодежь!

Карцовъ убитъ 6-го августа, проживъ въ ужасныхъ мукахъ три часа, съ полнымъ сознаніемъ и принеся съ неописуемымъ величіемъ духа свою исповѣдь.

На отпѣваніи его, напутствовавшій его въ вѣчность полковой священникъ, герой Тюренчена, о. Щербаковскій, сказалъ: «Я не смѣю открыть тайны этой поразительной исповѣди. Она потрясла и умилила меня, священника, принявшаго столько предсмертныхъ признаній... Скажу одно: дай Богъ всякому изъ насъ умереть такъ, какъ умеръ онъ».

Вотъ конецъ этого 23-хъ-лѣтняго единомышленника и родственнаго кровью и духомъ Борису Панаеву.

Солдаты его эскадрона по телеграфу съ фронта заказали своему офицеру вѣнокъ съ неграмотною, но многозначащею надписью: «Отъ товарищей—калигвардовъ». Счастливъ офицеръ, котораго по смерти его солдаты назовутъ «товарищемъ».

IV.

Пробилъ и часъ Бориса.

Настало то, къ чему такъ убѣжденно, такъ страстно, съ такой исключительною заботою готовились братья Панаевы.

Было 13-ое августа. Галиція.

Близъ деревни Демня авангардъ ахтырцевъ имѣлъ задачей выбить противника съ позицій, которыя онъ занималъ за плотиной съ обѣихъ сторонъ. Надо было идти подъ близкимъ обстрѣломъ черезъ извилистую и длинную (двѣ версты) плотину, ведущую къ желѣзнодорожному полотну, оплетенному проволокой. Атака этой позиціи считалась невозможной. Борисъ Панаевъ просилъ начальника дивизіи разрѣшить ему атаковать двумя эскадронами.

Справа по три онъ понесся въ атаку, ведя свой второй эскадронъ. Далѣе неслись $1^1/_2$ эскадрона подъ командой его брата Гурія.

Вотъ та минута, для которой, казалось, онъ былъ созданъ, для которой онъ воспитывалъ своихъ людей. Убійственный огонь осыпалъ узкую плотину. Кавалерійское сердце пойметъ удаль и дикую красоту этой картины.

Борисъ, уже раненый въ ногу при подходѣ къ плотинѣ, летѣлъ съ трубачомъ далеко впереди, съ поднятой высоко шашкой, на своей любимой лошади Дрофа.

Нога была раздроблена.

Чтобъ не упасть, онъ держался рукою за луку сѣдла. Къ ней былъ привязанъ родовой образъ Преображенія, предъ которымъ ему суждено было умереть.

Новая рана въ животъ. Онъ все держится въ сѣдлѣ, все продолжаетъ скакать на противника по крутому подъему и, крича: «Съ Богомъ, за Царя!», чрезъ проволоку врубается въ австрійскіе ряды.

Изнемогаетъ, но еще рубитъ. Успѣваетъ сказать трубачу, чтобы тотъ взялъ съ него сумку съ эскадронной иконой. Подскакиваетъ къ австрійскому офицеру, схватываетъ его за шею, но тотъ четвертой раной, изъ револьвера въ високъ, сражаетъ Панаева.

Мечты сбылись. Онъ велъ свой эскадронъ въ атаку и умеръ среди своихъ солдатъ-учениковъ.

Быстро и вѣрно сошелъ на него небесный вѣнецъ.

Австрійская кавалерія въ размѣрѣ бригады обращена въ бѣгство, 80 убитыхъ, 50 плѣнныхъ, четыре зарядныхъ ящика и много лошадей. У насъ, кромѣ убитаго Панаева, легко ранено четыре нижнихъ чина и нѣсколько лошадей.

При жизни Бориса Панаева его эскадронъ, находясь нѣсколько разъ подъ жестокимъ шрапнельнымъ и пулеметнымъ огнемъ, не терпѣлъ почти никакихъ потерь. И окончилъ онъ свою жизнь въ топотѣ и ураганѣ той конной атаки, которую онъ всѣмъ сердцемъ исповѣдывалъ за всю свою службу.

Его гробъ братъ Гурій поставилъ въ склепѣ одного помѣщика, откуда онъ былъ перевезенъ четвертымъ, единственнымъ уцѣлѣвшимъ братомъ-морякомъ, въ родной Павловскъ.

Мнѣ довелось быть на похоронахъ этого необыкновеннаго солдата-подвижника. Что-то торжественное, безпечальное, побѣдное чувствовалось у его гроба, какъ у гроба всѣхъ чистыхъ людей.

Вотъ нѣсколько словъ воспоминанія о Борисѣ Панаевѣ человѣка, хорошо его знавшаго:

«Картина смерти Бориса Аркадьевича такъ ярко напоминаетъ его слова, сказанныя въ январѣ 1912 года:

— Мы на порогѣ войны. Теперь, когда такъ легко относятся къ тягчайшимъ военнымъ преступленіямъ, очень умѣстно вспомнить великія слова, сказанныя на зарѣ нашей исторіи: «*Ляжемъ костьми за землю Русскую*» и «мер-

твіи сраму не имутъ»... слова и самопожертвованія и взаимной выручки.

Это Борисъ Аркадьевичъ говорилъ, одѣвая серьгу, которую носилъ все время, не снимая, несмотря на препятствія, которыя ему пришлось для этого преодолѣть. Онъ мечталъ, что серьга станетъ боевой традиціей полка.

Объ отзывчивости его... Борисъ Аркадьевичъ такъ умѣлъ понять сердце человѣческое, къ нему обращались

Кобыла «Вендетта» помогаетъ Гурію Панаеву надѣть пальто.

за совѣтомъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, и всегда, всегда послѣ бесѣды съ нимъ становилось легко на душѣ, и сердце смирялось.

Кто видѣлъ Бориса Аркадьевича въ церкви на молитвѣ, никогда не забудетъ его облика. Въ каждомъ жестѣ его, когда онъ перекрестится, чувствовалось великое единеніе души, въ молитвѣ возносящейся.

Эти по-истинѣ витязи нашего вѣка, эти три яркихъ пламени послѣ смерти съ высоты небесъ еще ярче свѣтятъ своимъ истиннымъ блескомъ».

V.

Такой же убѣжденный военный былъ и второй братъ Гурій, много уступавшій Борису въ способностяхъ.

Онъ не могъ видѣть равнодушно ничего, что ведетъ постепенно людей къ гибели. Мы уже говорили, какъ онъ, сторонникъ кавалерійскихъ традицій, все же вырвалъ, самъ юнкеръ младшаго курса, у юнкеровъ старшаго— колоду картъ.

Сохранились письма къ нему уже отслужившихъ солдатъ. Они благодарятъ его, что онъ удерживалъ ихъ отъ пороковъ.

А вотъ письмо офицера:

«Въ Б... пробылъ девять дней и пребываніе въ немъ помню смутно, такъ какъ цѣлые дни былъ пьянъ и игралъ въ азартныя игры. Всегда, когда сажусь, вспоминаю тебя. Ты вѣдь меня удерживалъ отъ этихъ игръ и пьянства. Сожалѣю, что некому теперь меня поудержать».

И младшихъ двухъ братьевъ своихъ Гурій всегда оберегалъ, чтобъ кто-нибудь не совратилъ ихъ съ нравственнаго пути.

Гурій былъ очень сострадателенъ къ чужому горю. Бывало, онъ проводилъ ночи не только у больного товарища, но и у больной чужой лошади.

Какъ къ человѣку весьма благожелательному и опытному во всемъ, что касается лошадей и полковой жизни, офицеры обращались къ Гурію за совѣтами, и молодежь называла его «Дядькó». Замѣчательно, что и его отца, Аркадія Александровича, товарищи и братья также называли «Дядька».

Гурій много лѣтъ былъ начальникомъ учебной команды, и достигалъ блестящихъ результатовъ въ подготовкѣ унтеръ-офицеровъ. Когда же введена была пика, начальникъ дивизіи поражался успѣхами ахтырской учебной команды

и совѣтовалъ начальникамъ учебной команды другихъ полковъ посмотрѣть ахтырскую.

Страстный кавалеристъ, онъ всегда въ письмахъ своихъ, неизмѣнно краткихъ, писалъ: «Мы и лошади здоровы»... Часто бывало: «Лошади и мы здоровы».

Сохранились его фотографіи—на concours hippique въ Вѣнѣ, гдѣ онъ бралъ высокіе призы, и перелетающимъ на лошади надъ крышей хаты...

Ему приходилось падать, и отъ сотрясенія онъ повредилъ себѣ слухъ. Ослабленіе слуха его сильно удручало и придало ему выраженіе грусти.

Когда онъ умиралъ, это выраженіе сошло съ его лица, и хотѣлось спросить:

— Ты теперь слышишь?

Подвигъ Гурія, за который онъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Прорвавъ первую линію австрійцевъ, онъ подъ огнемъ переплылъ Днѣстръ, при этомъ подъ лошадей пришлось подвести бревна. Выскочивъ на противоположный берегъ, онъ попалъ подъ огонь съ близкихъ дистанцій, онъ—глухой, оріентируясь только глазами, прорвался черезъ цѣпь и мимо резерва. Одинъ гусаръ былъ раненъ и убита лошадь. Чтобы подобрать раненаго, Гурій соскочилъ съ коня, наскоро перевязалъ и поднялъ на сѣдло. Во время этихъ его дѣйствій австрійцы поступили очень благородно и не стрѣляли до тѣхъ поръ, пока всадники не поскакали дальше. Когда, доставивъ донесеніе, онъ узналъ, что вызванная на помощь дивизія можетъ выступить только къ ночи, онъ вторично, уже съ однимъ вѣстовымъ, прорвался сквозь расположеніе австрійцевъ и принесъ извѣстіе, что помощь идетъ и что, если удастся удержаться на теперешнихъ позиціяхъ съ тѣми ничтожными силами, которыя у насъ были, то за это будетъ благодарна вся Россія. Это не входило въ его задачу; Георгіевскій крестъ былъ ему уже обезпеченъ, и онъ могъ возвращаться сравнительно безопасно со штабомъ идущей на

помощь дивизіи. Это показываетъ, что Гурій вызвался на отважное предпріятіе не ради награды.

Убитъ онъ былъ чрезъ двѣ недѣли послѣ Бориса.

29-го августа густыми цѣпями наступала австрійская пѣхотная дивизія, при поддержкѣ сильнаго артиллерійскаго и пулеметнаго огня. Четыре эскадрона ахтырцевъ были пущены на нихъ въ атаку.

Гурій Панаевъ скакалъ съ пикой въ рукѣ. Двѣ линіи непріятеля были уже смяты. При прохожденіи третьей онъ потерялъ лошадь и дѣйствовалъ пѣшимъ, пока не былъ сраженъ пулей и осколкомъ снаряда въ грудь.

Офицеры Бѣлгородскаго полка видѣли, какъ тяжело раненый Гурій лежалъ на землѣ, держа за узду лошадь. Страдая, онъ успѣлъ крикнуть имъ: «Пошлите матери сказать, что я убитъ въ конной атакѣ, и привѣтъ шефу!» Шефомъ ахтырцевъ состоитъ великая княгиня Ольга Александровна, хорошо знавшая Панаевыхъ и уважавшая ихъ.

Тѣло Гурія нашли чрезъ нѣсколько дней въ овинѣ, ограбленнымъ, съ уцѣлѣвшимъ на немъ какимъ-то чудомъ родовымъ образомъ Преображенія, предъ которымъ умеръ Борисъ. Братъ его, хоронившій его, какъ онъ самъ хоронилъ Бориса, былъ пораженъ духовной красотой его лица.

VI.

Третій братъ, Левъ, былъ фельдфебелемъ во второмъ петроградскомъ императора Петра Великаго корпусѣ— обязанности, требующія громаднаго такта и сердечности.

Свои педагогическія способности онъ проявилъ въ полной мѣрѣ за время службы своей смѣннымъ офицеромъ въ воспитавшемъ и его самого Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ.

Всякій изъ юнкеровъ былъ окруженъ его заботой. При полномъ соблюденіи дисциплины, онъ былъ для своей

смѣны старшій товарищъ. Смѣна его обожала. А, какъ онъ самъ относился къ нимъ, свидѣтельствуютъ отрывки изъ его дневника.

У одного святого архіерея, окруженнаго величайшею

Борисъ Панаевъ во время поѣздки на богомолье въ Ахтырку съ пикой.

любовью народной, спросили, какъ онъ пріобрѣлъ эту народную любовь. Онъ кротко отвѣтилъ.

— *Любовью.*

Такъ и Панаевъ.

Онъ любилъ порученную ему молодежь, радовался и мучился за нее, жаждалъ перелить въ нее все лучшее изъ своей души. И въ отвѣтъ на свое горячее, привѣтное отношеніе

получилъ полнѣйшее довѣріе этой молодежи и ея стараніе.

Въ дневникѣ его отражены пережитыя имъ волненія при вопросѣ о томъ, куда выходить его любимому юнкеру А., вахмистру, сыну извѣстнаго и славнаго нашего генерала, имя котораго тѣсно связано съ этой войной.

Самъ А. мечталъ объ Ахтырскомъ полкѣ, тогда какъ родные желали его видѣть въ гвардіи.

И вотъ Панаевъ со свойственной ему честностью изслѣдуетъ, не оказалъ ли онъ на юнкера А. давленія въ пользу своего родного полка, гдѣ, конечно, ему горячо хотѣлось видѣть столь много обѣщающаго офицера. Послѣ тщательнаго самоанализа онъ оправдалъ себя предъ собою.

Левъ былъ одухотворенный, тонкій, съ художественнымъ вкусомъ человѣкъ, тоже обожавшій военное званіе.

Онъ разыскалъ появившуюся въ русскомъ переводѣ въ 1787 году книгу французскаго автора «Совѣты военнаго человѣка сыну своему». Она вся дышитъ влюбленностью въ военное званіе и воинскимъ аскетизмомъ. Людямъ склада Панаевыхъ такая книга—драгоцѣнная находка, совпаденіе съ ихъ чувствами, и Левъ Панаевъ усердно издалъ ее въ 1912 году стариннымъ шрифтомъ, не мѣняя въ ней ни слова.

Книга, пылающая геройствомъ и увлеченіемъ. Вотъ, послушайте изъ главы: «Совѣтъ вступающимъ въ армейскую службу».

«Любите военное знаніе больше всѣхъ другихъ. Любите его до изступленія. Есть ли вы не думаете безпрестанно о воинскихъ упражненіяхъ; есть ли не хватаетесь съ жадностью за военныя книги и планы; есть ли не цѣлуете слѣда старыхъ воиновъ; есть ли не плачете при разсказахъ о сраженіяхъ; есть ли не умираете отъ нетерпѣливости быть въ нихъ и не чувствуете стыда, что до сихъ поръ ихъ не видали, хотя бы это и не отъ васъ зависѣло, то сбросьте какъ можно скорѣе мундиръ, который вы безчестите».

Вы узнаете въ этомъ опредѣленіи столько дорогихъ портретовъ... Не они ли, «думающіе непрестанно о воинскихъ упражненіяхъ, умирающіе отъ нетерпѣливости быть въ сраженіяхъ»—не они ли съ отрочества отдавшіеся грозному и прекрасному богу войны—не они ли это,—наши Суворовы, Кутузовы и Скобелевы?

Прекрасные наѣздники, братья выскакивали много призовъ, и денежные призы употреблялись на поѣздки по монастырямъ.

Кто-то далъ Льву Панаеву, который былъ очень недурнымъ иконописцемъ, въ караулѣ книгу о русскихъ святыхъ князьяхъ. За ночь караула книга оказалась исчерканною и испещренною его замѣтками и, вернувшись домой, онъ тотчасъ сталъ набрасывать карандашомъ проектъ большого образа, гдѣ мастерски размѣстилъ всю эту святую рать.

Какъ близки были ему духомъ эти святые витязи—Александры Невскіе, Мстиславы, Всеволоды, Довмонты, послѣ подвиговъ войны предававшіеся подвигамъ духа и порою мечтавшіе о монашеской кельѣ.

И въ Львѣ Аркадьевичѣ были черты выше обычнаго человѣколюбія, досягающія праведности. Такъ, служа въ Манчжуріи, онъ положилъ къ себѣ въ тѣсный шалашъ заболѣвшаго солдата и оставилъ его лежать у себя, когда опредѣлилось, что у солдата оспа.

При объявленіи войны Левъ находился на Дальнемъ Востокѣ.

Какъ быть, чтобъ, минуя долгія официальности, нагнать черезъ два материка родной полкъ? Онъ сказалъ тогда первую и единственную ложь въ своей жизни. Онъ объявилъ своему начальству, что онъ укушенъ бѣшеной собакой, и необходимо немедленно ѣхать для прививки въ Иркутскъ. До мѣста, гдѣ начиналось желѣзнодорожное сообщеніе, онъ мчался верхомъ съ неимовѣрной быстротой, и ножны шашки, бившіяся о сѣдло, были сломаны въ этой бѣшеной скачкѣ.

Въ Петроградѣ бѣглецъ устроилъ свой переводъ, готовился къ смерти, говѣлъ.

Духовникъ всѣхъ трехъ братьевъ разсказывалъ послѣ ихъ матери, что въ Панаевыхъ жила такая же затаенная жажда смерти въ бою, какая распаляла христіанъ эпохи гоненій,—погибнуть въ мукахъ за Христа. Въ нашъ вѣкъ эти странные люди внесли мечты и чувства давно отсіявшихъ святыхъ вѣковъ.

Въ тотъ самый день 13-го августа, когда Левъ Панаевъ пріѣхалъ въ Петроградъ, братъ его Борисъ былъ убитъ въ своей безумной смѣлой атакѣ.

И брата Гурія Левъ не засталъ, но имѣлъ утѣшеніе видѣть его сіяющее счастьемъ кончины въ бою лицо и схоронилъ его.

Левъ остался одинъ, послѣдній.

Онъ писалъ своимъ о ровномъ настроеніи своемъ—«и жить кажется хорошо, свидѣться съ близкими, подѣлиться чувствами,—и умереть хорошо, соединиться съ братьями-героями и удостоиться ихъ вѣнца».

Его письма за эти предсмертные мѣсяцы отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, чистую, наивную, дѣтскую душу этого мужественнаго и мечтательнаго человѣка.

Ему пришлось разстрѣлять австрійскаго офицера, подло убившаго около него его однополчанина и друга, и онъ тужитъ о судьбѣ австріяка.

«Мы съ Николашей Темперовымъ вмѣстѣ выбѣжали на кладбище, занятое австрійцами, и, видя, что они сдаются, стали отбирать винтовки. Одинъ же изъ нихъ выстрѣломъ въ голову убилъ Темперова. Этого австрійца я велѣлъ разстрѣлять, но только по горячкѣ, и мнѣ непріятно, такъ какъ онъ молилъ о пощадѣ и ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ. Скажи объ этомъ батюшкѣ и попроси помолиться объ упокоеніи души этого неизвѣстнаго австрійца. Онъ, видишь ли, поступилъ вѣроломно: передъ тѣмъ, какъ выстрѣлить, махалъ платкомъ и сдавался».

Левъ Панаевъ.

Сдѣланныя имъ сбереженія Левъ Панаевъ назначилъ на помощь семьямъ павшихъ гусаръ своего 4-го эскадрона, на икону-памятникъ въ эскадронѣ и на церкви. Онъ писалъ, что этимъ хочетъ «по силѣ и возможности воздать Господу Богу, всегда во благовременіи подававшему намъ хлѣбъ насущный и кормъ для лошадокъ. Даже тамъ, гдѣ дважды прошла военная гроза и мѣстами не осталось камня на камнѣ по-истинѣ фуражъ мы имѣемъ чудомъ».

Въ одномъ письмѣ онъ дѣлаетъ подробнѣйшій перечень своихъ желаній. Говоритъ объ участи ихъ «лошадокъ» и вещей. Его особенно заботитъ судьба родового образа Спаса Преображенія, имѣвшаго видъ архіерейской панагіи. Съ нимъ на груди былъ убитъ и Борисъ и Гурій, на покинутомъ трупѣ котораго онъ какъ-то уцѣлѣлъ.

Какъ художникъ, онъ писалъ... «У меня осталась завѣтная мечта запечатлѣть на картинѣ подвиги братьевъ, особенно Гурія, такъ какъ Борисъ, вѣроятно, будетъ увѣковѣченъ и такъ».

Смерть смотрѣла на него, еще не раненаго, сильнаго, а онъ смотрѣлъ ей въ глаза.

«Пишу тебѣ для твоего полнаго спокойствія, что, если можно выбирать смерть, то одна изъ самыхъ завидныхъ это на войнѣ при исполненіи своего долга. Вотъ почему не приходится сожалѣть о жертвахъ войны и во всѣхъ обстоятельствахъ видѣть волю Божію и святой Промыселъ, который наблюдается здѣсь на каждомъ шагу въ каждой мелочи».

16-го или 17-го января четвертый эскадронъ Панаева захватилъ много плѣнныхъ.

19-го января эскадронъ былъ посланъ занять окопы, въ которыхъ изъ-за сильнаго огня не могла держаться наша пѣхота. Минутъ черезъ десять послѣ того, какъ эскадронъ занялъ окопы, Левъ Панаевъ повелъ его въ штыки на «ура» на окопы противника по глубокому снѣгу по поясъ. Разстояніе было около 500 шаговъ. За четвер-

тымъ эскадрономъ поднялся шестой, а также цѣлый полкъ стрѣлковъ. Получилось широкое наступленіе. Пройдя шаговъ 50 впереди нижнихъ чиновъ, Левъ Панаевъ былъ убитъ наповалъ двумя пулями въ печень. Корнетъ Забѣлло подбѣжалъ къ нему, увидалъ, что безнадежно, и повелъ дальше. Атака продолжалась.

Она закончилась крупнымъ успѣхомъ: окопы врага и лѣсокъ за окопами были нами заняты. Панаевъ, какъ и его братья, представленъ былъ къ Георгію 4-й степени.

Такъ Промыселъ послалъ и ему ту смерть, которую онъ называлъ «завидной, и сталъ онъ послѣднимъ смыкающимъ звеномъ въ этой чудной цѣпи бѣлыхъ рыцарей.

VII.

Вспоминаешь этихъ трехъ праведниковъ и думаешь..

Многіе на Руси умѣютъ умирать съ честью, красиво, безстрашно.

Эти умѣли *жить* для родины. Всякая минута ихъ была служба ей. Всякую минуту стоялъ передъ ними помыселъ «польза Россіи».

Были и есть у насъ храбрые солдаты, удалые кавалеристы, толковые офицеры.

Но гдѣ сыскать этотъ благоухающій идеализмъ, этотъ удивительный строй жизни монаховъ подъ красивою внѣшностью породистыхъ людей въ блестящей гусарской формѣ?

Надъ этими людьми съ ихъ жизнію и съ тою смертію въ бою, за свою вѣру, своего Царя и свою родину, къ которой они сознательно стремились, какъ къ высшему, доступному на землѣ счастью, сіяетъ тотъ ликъ, на который они на своемъ земномъ пути съ думою и съ восхищеніемъ оглядывались: ликъ терноноснаго Христа . . .

. . . .

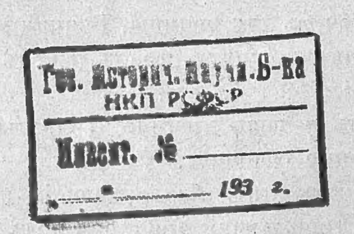
. . . .

Порою въ темную ночь мы смотримъ въ небо, и непонятною силою приковываютъ насъ къ себѣ звѣзды.

Онѣ говорятъ намъ о чемъ-то великомъ и чудномъ, и тихонько дрожащіе лучи ихъ словно хотятъ серебристыми волокнами оплести нашу душу и поднять ее выше, выше, къ себѣ.

Такими звѣздами—всякій въ своей средѣ—являются тѣ вершины человѣчества, какими были въ средѣ удалой русской конницы братья Панаевы.

За ними, за ними!

Цѣна 60 коп.